

Зоонимы в художественном тексте для детей

Зоонимы входят в ядро ономастического пространства детской литературы, занимая третью после антропонимов и топонимов позицию по количеству единиц. В анализируемой художественной реалистической прозе для детей обнаружено 188 зоонимов, что составляет 14,4% от общего количества зафиксированных онимов. В литературной ономастике наиболее полно и многоаспектно изучены антропонимы и топонимы, зоонимы исследованы в меньшей степени. Между тем, история возникновения и функционирования зоонима, а также мотивы именования животных и птиц в произведениях словесности представляют особый интерес. Анималистический рассказ занимает важное место в детской литературе, в произведениях иных жанровых разновидностей животные представлены, как правило, в качестве фоновых персонажей. В рассказах о животных зооним становится тематическим и частотным словом, органично входящим в поэтическую структуру. Образы животных представляются знаковыми фигурами, в том смысле, что являются знаками детства, близости детей к природе. Они позволяют полнее и многограннее отразить внутренний мир ребенка – адресата и главного героя изображаемого.

В художественной литературе для детей широко и многообразно отражен реальный зоонимикон; узуральность, то есть регулярная воспроизводимость, закреплённость в общественном употреблении, является ведущей характеристикой ономастических единиц. В произведениях детской литературы преобладают общеупотребительные (*собаки Трезор, Барбос, Полкан, Шарик, Дружок, Бобик*) и типичные (*кот Васька, собака Жучка, свинья Хавронья*) для животных различных пород клички, традиционные именования, в том

числе и экзотические, породистых и служебных животных (*Ураган, Соловей, Кама, Нерль, Елец; Мухтар, Шанго, Зембо, Нелли, Кэт, Лютта, Аристон*). В рассказах М.М.Пришвина представлены различные клички породистых охотничьих собак: *ирландские сеттеры Ярик, Травка, пойнтеры Лада, Камдиз, Кадо, гончие Трубач, Анчар, Осман, Пальма; английский спаниель Джимми; легавые Дубец, Кента*. В повести А.Н. Толстого «Детство Никиты» породистые лошади названы *Веста, Афродита, Звезда, Негр, Лорд Байрон*.

Узуальные зоонимы информативны: по кличке можно определить вид, породу, составить представление о внешности и образе жизни животного. Употребление узуальных зоонимов способствует реалистичности изображаемого в произведении и соответствует компетенции, жизненному и речевому опыту юного читателя. Младшие школьники в большинстве своем «наивно» воспринимают художественное произведение и интерпретируют его содержание, в том числе и ономастическую лексику, исходя из обыденного знания, характерного для этого возраста. Видимо, отчасти интуитивно, а отчасти сознательно детские писатели ориентируются на эти особенности ребенка-читателя.

В рассказе «Барбос и Жулька» А.И. Куприн пишет: *«Барбос был невелик ростом, но приземист и широкогруд...Таких собак, как он, искони и всюду зовут Барбосами. Изредка, да и то в виде исключения, их называют Дружками. Эти собаки, если не ошибаюсь, происходят от простых дворняжек и овчарок... Жулька также принадлежала к очень распространенной породе маленьких собак, тех тонконогих собачек с гладкой черной шерстью и желтыми подпалинами над бровями и на груди...»* Автор начинает повествование с того, что называет клички животных. Первый и второй абзацы начинаются кличками *Барбос, Жулька*. Это создает эффект «уже виденного», хорошо знакомого. Обе

собаки практически ничем не отличаются от тех, что есть буквально в каждом дворе, это – типичные дворовые собаки. Об этом автор сообщает и названием, состоящим из двух кличек.

Писатели рассуждают об уместности клички, ее соответствии «социальному» статусу (породистое или простое) животного. Так, в рассказе «Гон» М.М. Пришвин пишет: *«Соловей – великан смешанной породы: костромича, борзой, дворняжки – все спуталось, и получилась безобманная промысловая собака... От Соловья выходят щенки, с виду совершенно дворняжки, но в работе прекрасные... Последний сын Соловья ... особенно умен, но вид... бери и на цепь сажай двор караулить... Да так и зовут: Шарик..., просто язык не поворачивается назвать такого обыкновенного кобеля Аристоном».*

В реальном зоонимиконе за каждым видом животных закрепляются определенные клички: корова Буренка, кошка Мурка, лошадь Савраска, курочка Пеструшка. Часть типичных кличек апеллятивизируется (Хавронья – свинья; Барбос, Жучка – дворовая собака; Буренка – корова), что подтверждает «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, а также графика, написание слов: *хавроньюшка, хавронья* (К.Д.Ушинский), *жучка* (Л.Андреев).

Среди узуальных кличек выделяются антропозоонимы, в основном имена в гипокористической и квалитативной форме (К.Д.Ушинский: *петух Петя, кот Вася*; Л.Н.Толстой: *собака Розка*; К.Г.Паустовский: *кот Степан*; В.А.Осеева: *утка Устинья*; Е.И.Чарушин: *кот Валерка, волчишко Прошка, дог Харлашка*; Н.Н.Носов: *собака Дианка*). Антропоморфная кличка может изменяться, как антропоним: *щенок Ромул, Рома, Ромка, Ромушка, Роман Васильевич* (М.М.Пришвин); *макака Яшка, Яшенька, Яша, Яков* (Б.С. Житков). В рассказе В.Ю. Драгунского «Дымка и Антон» у каждой собаки, помимо клички, есть «фамилия»,

доставшаяся животному от хозяев: *Жучка Бреднева, Тузик Мурашовский, Барбос Исаенко, Антон Дыхов («Так удобней разбираться, кого какая укусила»)*. Сочетанием типичной для дворовых собак кличек – Жучка, Тузик, Барбос – и фамилии их хозяев создается комический эффект. В ряде произведений детской литературы используются клички животных, составленные по антропонимической формуле «имя и отчество», традиционной для русского фольклора. Так, в «Детстве Никиты» А.Н. Толстого – *кот Василий Васильевич*, в «Каштанке» А.П. Чехова – *кот Федор Тимофееч, гусь Иван Иванович, свинья Хавронья Ивановна*.

Однако узуальность индивидуальных кличек, употребляемых в анималистической прозе для детей, не единственное их достоинство, как и реализм художественного повествования. Одной из важнейших составляющих поэтики является образность. Когда коммуникативная задача не может быть решена только использованием узуального ономастикона, требуется авторское словотворчество, необходимое для выражения актуального смысла, связанного с определенным контекстом. В таком случае зоонимы создаются на основе продуктивных моделей из имеющегося в структуре языка материала и обладают повышенной выразительностью в силу своей необычности и экспрессивностью. Контекст литературного произведения помогает обнаружить внутреннюю форму наименования, признак, положенный в основу номинации. В контексте осуществляется связь писательского и читательского восприятия имени. Автор, подспудно чувствующий то основное, что заложено внутренней формой в название, прямо или косвенно обнажает этот признак в тексте, пробуждая в читателе ответное восприятие, делая повествование образнее, живее, нагляднее. Русская литература богата высоко художественными анималистическими образами, доступными пониманию детей. Вырази-

тельность литературного зоонима зависит от его мотивированности.

В рассказе Ю.И. Коваля «Алый» молодой боец Кошкин подбирает имя щенку; кличка должна начинаться на букву А – так пограничники называли служебных собак в том году. *«...Кошкин долго перебирал в уме все слова, какие знал на букву «А». Наконец он придумал ему имя и даже засмеялся от удовольствия. Имя получилось такое – Алый».* Выбор клички оказался делом нелегким, не каждое слово может стать именем. *«Щенок на букву «А» – своеобразная «рабочая формулировка», вариант имени в процессе его создания.* Молодой пограничник быстро понимает, что кличка *Агурец* – ошибка. Не устраивает его и кличка *Арбуз*, хотя по слоговой структуре это слово совпадает с предложенными старшим инструктором кличками – *Абрек, Акбар, Артур, Аршин.* Однако выбранная кличка не только начинается она на букву «А», но и отражает характерную особенность этого пса серого, почти черного окраса – алый язык: *«Вот он высунет язык – сразу поймете, почему он Алый...».* Слово *арбуз* могло бы с этой связи оказаться уместным, так как мякоть арбуза тоже алого цвета и скрыта внутри, обнаруживается не сразу. Однако это слово было, скорее всего, первой ассоциативной реакцией Кошкина на букву «А» (вспомните азбуку в рисунках: А – арбуз), или, возможно, возникло в связи с упоминанием огурца. Видимо, это слово не устраивало его своей тривиальностью. Щенка же вместе с Кошкиным ожидала отнюдь не спокойная будничная жизнь, а трудная, полная опасностей ответственная служба на государственной границе. В семантику клички *Алый* включается и это обстоятельство.

Представляется, что киноним *Алый* мотивирован не только ярким внешним признаком животного, но и рядом более глубоких признаков. Интересно, что и характерный алый язык «спрятан» внутри. Еще в школе Кошкин привя-

зался к собаке, нередко обращался к ней: «цветочек ты мой аленький». Это прямая цитата известной сказки С.Т. Аксакова с ее идеей всепобеждающей любви. Простая привязанность, взаимопонимание перерастает в духовную близость, душевную дружбу между собакой и человеком. Нелегкая служба готовит им много испытаний, проверяя на прочность. Кошкин спасает жизнь Алому, когда пса порвал медведь. Он несет друга к ветеринару на руках, по которым струится теплая алая кровь. Друзья становятся кровными братьями. И вот уже Алый, защищая Кошкина, выбивает пистолет из рук врага, но тот успевает сделать смертельный выстрел: *«Кошкин поднял его, и тепло-тепло стало его рукам... Тепло струилось между пальцев, утекало, лилось в снег. Руки его стали алыми...»*. Алый умирает, остается щемящее чувство безвозвратной утраты близкого, родного, дорогого существа.

В рамках всего повествования кличка дополняется новыми смыслами, выявляя грани сложных образов обоих героев – Кошкина и Алого.

Метафорична и кличка купленного на Птичьем рынке клеста, героя рассказа Ю.И. Коваля «Капитан Клюквин». Автор подробно мотивирует выбор клички: *«Это был клест-сосновик, с перьями кирпичного и клюквенного цвета, с клювом, скрещенным, как два кривых костяных ножа... Надо было придумать клесту имя. Мне хотелось, чтоб в имени был отмечен и его командирский нрав, и крепкий клюв, и красный цвет оперенья... Нашлось только одно слово, в котором есть и клюв и красный цвет – клюква... Жаль только, нет в клювке ничего командирского. Я долго прикидывал так и эдак и назвал клеста – Капитан Клюквин»*. Далее в тексте имя клеста употребляется в различных вариантах: Капитан Клюквин, Капитан, Клюквин.

Автор усматривает в структуре слова «клюква» нужные ему созвучия, отражающие внешний вид птицы. Необходи-

мости и желанию отразить в кличке нрав птицы в полной мере соответствует воинское звание *капитан*. Видимо, свою роль сыграло и то, что обе составляющие клички и апеллятивное видовое имя птицы начинаются одинаково – с буквы «к»: клест, Капитан, Клюквин. Общепринятой этимологии слова *клест* не существует, однако предполагается, что название птицы является звукоподражательным, как, например, кукушка, скворец. В тексте также прослеживается звукопись – концентрация сочетания согласных звуков -кл-, -кр- : клест, клюв, клюквенного, кривых, крепкий, красный, скрещенным и т.п. В тексте ассонанс может быть истолкован как художественный прием, способствующий более полному воссозданию образа птицы, в какой-то мере предопределяющего его индивидуальное имя.

Характерные особенности внешности (размер, величина, окрас и др.) животного, птицы так или иначе отражаются в кличке, а нередко и в видовом названии. Это – один из самых распространенных мотивов именования, номинации. Выделяются констатирующие и метафорические зоонимы. Так, к констатирующим кличкам относятся: *Белолобый* – щенок черный с белым пятном во весь лоб («Белолобый» А.П. Чехова); *Желтухин* – желторотый серенький скворчонок («Детство Никиты» А.Н. Толстого); *Хромка* – хромая утка («Хромка» М.М. Пришвина); стриж *Белое брюшко* («Стрижонок Скрип» В.П. Астафьева). Метафорические клички образно мотивированны сходством, аналогией: кенарь *Лимончик* назван по лимонному цвету оперенья (В.Ю. Драгунский); рыжий пес *Капитан* – цвета плодов каштана, кора дерева коричневого цвета (Б.С. Житков); черная собака *Арапка* – от «арап», «негр», «черный» (А.П. Чехов). Свинью, побывавшую под снежным завалом, солдаты прозвали *Снежная королева* (Ю.И. Коваль). «Важную черную курицу» называют *Пиковая Дама* «за необыкновенную родитель-

скую злобу при защите детей, за ее клюв-пику» (М.М. Пришвин).

Кличку *Лимон* (М.М. Пришвин) получила «рыженькая, с очень короткой шерстью, почти голая» собачонка, «такая маленькая, а глазищи большие, черные, блестящие и навывкате, как у муравья...». Все присутствующие сочли такое имя для китайской собачки приемлемым. «Никто не стал добиваться, что значит по-китайски слово «лимон», все подумали: собачка очень маленькая, желтая, и Лимон – кличка ей самая подходящая». В описании перечисляются те признаки внешности животного, которые позволили согласиться с такой необычной кличкой: светлый рыжеватый окрас, гладкое тело, блестящие глаза. Кроме того, у этой маленькой карманной собачки сварливый нрав, она держит в страхе и напряжении всех обитателей дома, всегда чем-то недовольна. Однажды задиру и забияку проучили, накрыв шляпой. *Лимон* испугался, скис, он не сопротивился, когда его погладили по голове, «но и не веселел». Таким образом, в этом кинониме соединились и экзотический внешний вид, и иноземное происхождение животного, и его «кислый» нрав.

В рассказе Е.И. Носова «Белый гусь» находим следующее описание внешнего вида птицы: «Все у него было адмиральское: и выправка, и походка, и тон... Ходил он важно, обдумывая каждый шаг. Прежде, чем переставить лапу, гусь поднимал ее к белоснежному кителю..., не замарав ни единого перышка.

Этот гусь никогда не бежал... Он всегда высоко и неподвижно держал длинную шею, будто нес на голове стакан воды. Собственно, головы у него, казалось, и не было. Вместо нее прямо на шее был прикреплен огромный, цвета апельсиновой корки клюв с какой-то... шишкой... Большие всего эта шишка походила на кокарду». Перечисленные признаки мотивировали именованию важной птицы, которой «следовало бы дать адмирала». Автор сравнивает белое

оперенье гуся с белоснежным кителем морского офицера, шишку на клюве – с кокардой на фуражке адмирала. Далее в тексте писатель использует еще одно сравнение, которое дополняет и усиливает уже проведенные аналогии: «казалось, будто гусь высечен из глыбы рафинада». К внешнему сходству добавляется еще гордый нрав, осанка, манера поведения птицы: гусь нетороплив, осознает свою силу и власть, уверен в себе. Видимо, основанием для такого рода сравнений послужило не только внешнее сходство гуся и формы морского офицера, но и общая «среда обитания» – вода. Так как птицам все же не дают адмиральского звания, автор компенсирует это упущение, назвав героя *Белый гусь*.

Пес *Арто* – персонаж рассказа А.И. Куприна «Белый пудель», полноправный член бродячей труппы цирковых артистов. Кличка созвучна и близка по значению слову *артист*. Пес-артист по кличке Арто – звучит выразительно, образно, театрально. Слово в качестве клички животного сохраняется и ясную внутреннюю форму. Текстуальные варианты клички – Артошка, Артошенька – придают ей интимное звучание, отражают дружескую привязанность людей к талантливой собаке.

Казалось бы, экзотическими должны были быть и клички «цирковых артистов» в «Каштанке» А.П. Чехова. Однако писатель выбирает не экзотические, а антропоморфные зоонимы: гусь *Иван Иванович*, кот *Федор Тимофеевич*, свинья *Хавронья Ивановна*. Из рассказа следует, что все они «работают» в цирке. Имена, напротив, звучат совсем не поцирковому, обыденно. Иван, Федор, Хавронья – это типичные русские имена, в них нет цирковой романтичности. Контрастно к зоонимам звучат имена артистов цирка: *мисс Арабелла*, *monsieur Жорж*. (Сравните: в рассказе А.И. Куприна «Белый пудель» дедушка *Лодыжкин* подбирает артистическое имя *Сергею* на итальянский манер – *Антонио*, *Энрико*, *Альфонзо*). Отчества в тому же даны в синкопиро-

ванной форме, характерной для бытового общения, что выводит эти зоонимы в разряд разговорных.

Почему monsieur Жорж, а именно он занимался дрессурой животных, так «обыденно» назвал цирковых артистов? Видимо, потому, что и кот, и гусь, и тем более свинья – не экзотические, а обычные домашние животные. Антропонимическая формула подтверждает их повседневную близость к человеку. В данном случае имеет место и юмористический эффект, который производят клички. Мы уже говорили о распространенности антропоморфных кличек среди домашних животных. Данный случай интересен тем, что речь идет о кличках не обычных домашних, а «цирковых» животных.

Скорее всего, по аналогии Каштанку называют *Теткой*, кличкой, мотивированной просторечным термином родства. Каштанка – *«Молодая рыжая собака – помесь такса с дворняжкой – очень похожая мордой на лисицу»*. Незнакомец, подобравший потерявшуюся собаку, называл ее сначала *псина*, *песик*, *пес*, *рыжик*. Последнее могло стать хорошей, подходящей кличкой для собаки, так как в ней отражены и масть, и сходство с лисицей, и отсутствие родословной. Кстати, дворняжка «воспринимает» как свое имя и слово *талант*, которое часто повторял ее новый хозяин во время репетиций. Однако выбрана другая кличка – *Тетка*: «А ты, *рыжик*, не бойся... Пстой, как же мы тебя звать будем? Без имени нельзя, брат... Вот что... Ты будешь – *Тетка*... Понимаешь? *Тетка!*». В дальнейшем из текста читатель узнает, что в цирковой репризе Каштанке была отведена роль тетушки, которая вместе с котом – дядюшкой разыгрывают типичную бытовую сценку неожиданного приезда гостей, родственников. Тетку-Каштанку в этой сценке называют Тетушкой.

Таким образом, выбор именно таких антропоморфных кличек в полной мере отвечает авторскому замыслу.

Уместность, «жизнеспособность» клички определяется не только ее соответствием внешнему виду, происхождением животного, но и звучанием слова. Здесь важно и благозвучие, и соответствие национальному словарю и звуковому строю. Фонетическая целесообразность как мотив именования персонажа-животного также определяет выбор зоонимов для произведений детской литературы. Так, в рассказе Ю.И. Коваля «Картофельная собака» читаем: *«Что за имя – Тузик? Вялое какое-то. Надо было назвать покрепче.*

– Тузик – хорошее имя... А то зовут собаку Джана или Жеря. Что за Жеря – не пойму».

О том, какие мотивы существенны в номинативном акте, можно узнать из рассказа М.М. Пришвина «Сват»: *«Подарили мне небольшую собачку редкостной породы спаниель, величиной с два кота, а уши до самой земли. Когда ест – уши мокнут, когда нюхает землю – передними лапами наступают на свои уши.*

«Ухан» следовало бы назвать его по-русски, но у него кличка была английская – Джимми. Не нравилась мне чужая кличка, такая незвучная...». Далее в тексте кличка меняется: Джимми – Джин – Жим – Сват. Очевидно, что изменения происходили в сторону упрощения звуковой структуры зоонима, приведения клички в соответствие с русским произношением, фонетической нормой. Однако варианты клички отражают и экстралингвистические мотивы, характерные особенности поведения собаки: «англичанина» Джимми «превратили в арабского Джина», так как это был озорной, вездесущий, подвижный пес; когда Джин «засел верхом на утку ... и начал ее жать, ... все разом закричали на него не Джин, а Жим, в смысле «не жми». Поиск подходящего имени для спаниеля подытожил случай: «на улице прохожий звучно крикнул кому-то: «Сват!» И, услышав этого «свата», Жим почему-то бросил утку: «Вот клич-

ка-то... И звучная и милая. Давайте попробуем Жима звать Свatom».

Другой рассказ М.М. Пришвина «Высочка» иллюстрирует фонетическое преобразования зоонима. Лайку, привезенную с берегов реки Бии, «в честь этой сибирской реки так и назвали ... Бией». Постепенно кличка изменялась, становясь более удобной для произношения: *Бия* стала *Бьюшкой* (возможно, что имел место и не отраженный в тексте переходный вариант «Биюшка»), а затем – и *Вьюшкой*.

В тексте выделяются и иные мотивы переименования животного – его нрав и внешность: *веселая собачка, хвостик колечком*. Бия – кличка для большой, крупной и строгой собаки. Лайка не соответствует этим требованиям. В описании ее внешности писатель использует лексику с оценочными уменьшительно-ласкательными суффиксами: *хвостик, ушки, зубки, собачка, колечко*. Уже во втором варианте зоонима также появляется деминутивный суффикс: Бия – Бьюшка. В третьем варианте инициальный звук «б» меняется на «в», что делает звучание имени еще более мягким, ласковым, задушевым. Кличка *Вьюшка* созвучна со словами *вьется; вьющийся*, т.е. волнистый, в завитках. В описании внешнего вида собаки этому определению соответствует только хвост – единственный завиток: *хвостик колечком, Вьюшка развернула колечко своего хвоста....* Однако этого вполне достаточно, чтобы стать еще одним мотивом номинации.

Звуковое сходство с видовым названием стало ведущим мотивом именования в таких зоонимах, как *петух Петя* (К.Д. Ушинский), *медвежонок Медведко* (Д.Н. Мамин-Сибиряк), *журавль Журка, тетерев Терентий* (М.М. Пришвин). На звукоподражании строится именование птиц и животных в произведениях М.М. Пришвина – *грач Грашка* («Пиковая Дама»), В.П. Астафьева – *стрижонок Скрип*

(«Стрижонок Скрип»), Е.И. Носова – *воробей Чик* («Как ворона на крыше заблудилась»). Ономатопись лежит в основе распространенного фелинонима Мурка, который используется, например, Б.С. Житковым в рассказе «Беспризорная кошка». В русском языке звуки, издаваемые кошкой, тихое кошачье урчание называют мурлыканьем, а кота или кошку ласково называют *мурлыка*.

Фонетически мотивированные клички могут строиться и на случайном совпадении звуков или созвучии, как необычная кличка кошки Ю-ю в одноименном рассказе А.И. Куприна: *«Звали ее Ю-ю. Не в честь какого-нибудь китайского мандарина Ю-ю, и не в память папирос Ю-ю, а просто так. Увидев ее впервые маленьким котенком, молодой человек трех лет вытаращил глаза от удивления, вытянул губы трубочкой и произнес: «Ю-ю». Точно свистнул. И пошло – Ю-ю...»*. Но даже такое оригинальное по форме и звучанию имя обрело свою парадигму в тексте: *Ю-ю, Ю-юшка, Ю-юшенька, Юшенька, Юшкевич*.

Ряд зоонимов мотивирован какими-то отличительными свойствами, особенностями поведения, обстоятельствами: собака *Кусака* (Л.Андреев), петух *Горлач*, кот *Ворюга-Милиционер* (К.Г. Паустовский), сорока *Выскачка*, собаки *Находка*, *Сват* утенок *Изобретатель* (М.М. Пришвин), осиротевший лебедь-птенц *Приемыш* (Д.Н. Мамин-Сибиряк), собака *Жулик* (В.Ю. Драгунский), дворняга *Шкалок* (Ю.И. Коваль). Е.И. Чарушин в «Верном Трое» рассказывает историю, связанную с кличкой бульдога: *«Имя у нашей собаки немецкое – Трой. По-нашему это значит – верный. И правильно его так называли»*. Читатель узнает, как пес один задержал в квартире вора, пострадав при этом. Хозяева по заслугам оценили его преданность: *«это герой собачий»*.

Образные зоонимы, созданные специально, исполняющие заданную стилистическую функцию, как правило,

комментируются автором произведения. Контекст, объясняющий выбор зоонима, может быть различным по объему – от одного слова до целого текста. Писатель может ограничиваться одной фразой, сопроводить кличку комментарием или только эпитетом, может назвать только кличку или прибегнуть к развернутым характеристикам, подробным разъяснениям деталей имитационности. При этом важны как лингвистические, так и экстралингвистические мотивы именования. Признаки, ставшие основанием для номинации, выражаются в тексте на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях. Зоонимы, создаваемые на базе апеллятивной лексики, связаны с контекстом и обладают повышенной выразительностью в силу своей необычности. Образованные путем онимизации, т.е. функционального преобразования апеллятива в оним, клички животных сохраняют эмотивные коннотации нарицательных основ. В форме зоонимов благодаря фонетическим, словообразовательным и лексическим средствам языка выражается эмоциональная оценка, отношение к животным. В рассказах о животных зоонимы являются ключевыми единицами. В художественном тексте стилистическая функция зоонимов проявляется как изобразительная (или описательная), характеризующая, экспрессивно-эмоциональная.

Литература

1. *Евстигнеева М.В.* Внутренняя форма слова в гносеологическом аспекте (на материале английских наименований птиц): Автореф. дис. На соискание уч. ст. канд. филол. наук. Самара, 1998.
2. *Ивич А.* Природа. Дети. М., 1980

3. *Крюкова И.В.* Языковая игра в ономастической номинации // Ономастика Поволжья: Тез. докл. 8-й Междунар. конф. Волгоград, 1998. С. 129–130.
4. *Мурзин Л.П., Штерн А.С.* Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
5. *Мусаева С.А.* О мотивированности литературных имен / Проблемы фоносемантики. – М., 1989.
6. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1986.
7. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
8. *Романова Т.П.* Основные семантические компоненты иппонима и структура иппонимического поля // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991. С. 151–155.
9. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М., 1973.
10. *Супрун В.И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
11. *Тюриков И.П.* Л.Н. Толстой о специфике детского восприятия художественной литературы // Проблемы детской литературы. – Петрозаводск, 1989. С. 5–14.
12. *Шанский Н.М.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.